

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящий доклад — десятый в серии ежегодных докладов о демографическом положении России, публикуемых Центром демографии и экологии человека. Круглая цифра служит своеобразным психологическим стимулом к тому, чтобы подвести хотя бы краткие итоги десятилетнего мониторинга ситуации и сделать некоторые выводы, касающиеся будущего.

Нет сомнения, что XX в. стал для России веком демографической модернизации, в результате которой в России с некоторым опозданием утвердился новый тип воспроизводства населения, такой же, какой господствует сейчас во всех промышленно развитых городских обществах. Этот фундаментальный сдвиг сделал возможными многие изменения, которые всегда рассматриваются как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, удлинение жизни, эмансипация и самореализация женщины, демократизация семейных отношений, растущие удельные инвестиции в детей, рост образования и пр. Однако он же поставил страну перед очень серьезными вызовами, на которые ей придется отвечать в наступившем столетии. Обозначим те из них, которые кажутся нам самыми главными.

Вызов высокой смертности. Один из наиболее очевидных и тревожных сегодняшних российских вызовов — вызов высокой и продолжающей расти смертности.

В ходе демографической модернизации XX в. процесс вымирания поколений в России, как и везде, коренным образом изменился. Уже к середине 1960-х гг. смертность по сравнению с началом столетия резко снизилась, ожидаемая продолжительность жизни и у мужчин, и у женщин выросла более чем вдвое (табл. 7.1).

Эти достижения стали результатом развернувшегося во всех промышленно развитых странах, в том числе и в России, «эпидемиологического

Таблица 7.1. Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1896–1897, 1964–1965 и 2002 гг.

Годы	Ожидаемая продолжительность жизни, лет		Выигрыш по сравнению с 1896–1897 гг., лет	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1896–1897*	29,4	31,7		
1964–1965	64,6	73,4	35,2	41,7
2002	58,5	72,0	29,1	40,3

* Европейская Россия.

перехода»: служившие главными причинами смерти болезни острого действия, имевшие по преимуществу экзогенную природу и поражавшие людей всех возрастов, особенно детей, замещаются хроническими болезнями преимущественно эндогенной этиологии, прежде всего болезнями сердечно-сосудистой системы, либо онкологическими заболеваниями, обусловленными в основном влиянием канцерогенных факторов накапливающегося действия («квазиэндогенные» факторы). Эти болезни и выступают в новых условиях в качестве ведущих причин смерти.

Мировой опыт показывает, что «эпидемиологический переход» осуществляется в два этапа. На первом из них успехи достигаются благодаря определенной стратегии борьбы за здоровье и жизнь человека, в известном смысле патерналистской, основанной на массовых профилактических мероприятиях, которые не требуют большой активности со стороны самого населения. Именно благодаря такой стратегии добился своих успехов и СССР, вошедший к началу 1960-х гг. в число трех десятков стран с наиболее низкой смертностью.

Однако к середине 1960-х гг. возможности этой стратегии в развитых странах оказались исчерпанными. Они подошли ко второму этапу перехода, когда понадобилось выработать новую стратегию действий, новый тип профилактики, направленной на уменьшение риска смерти от заболеваний неинфекционного происхождения, особенно сердечно-сосудистых заболеваний и рака, а также от несчастных случаев, насилия и других подобных причин, непосредственно не связанных с болезнями. Эта стратегия требовала как более активного и сознательного отношения к своему здоровью со стороны каждого человека, так и намного больших материальных затрат на охрану и восстановление здоровья, что, в свою очередь, способствовало повышению его общественной ценности.

Западным странам после не очень долгого топтания на месте удалось и выработать, и реализовать такую стратегию. В СССР же ответ на новые требования времени не был найден, модернизация процесса вымирания поколений резко замедлилась и осталась незавершенной. В результате наше отставание снова стало нарастать. К 2000 г. у мужчин оно во многих случаях стало большим, чем было в 1900 г. (табл. 7.2).

Подсчитано, что приостановка снижения смертности обошлась России примерно в 14 млн преждевременных смертей за 1966–2000 гг. Из них свыше 5 млн — преждевременные смерти людей в возрасте до 65 лет, более чем на 80% — мужчин. Далеко не всякая война способна нанести такой ущерб даже очень большой стране.

Таблица 7.2. Отставание России по ожидаемой продолжительности жизни в начале и в конце XX в., лет

Год	От США	От Франции	От Швеции	От Японии
Мужчины				
1900	15,9	12,7	20,3	14,5
2000	15,2	16,5	18,5	18,7
Женщины				
1900	16,2	14,1	20,8	13,1
2000	7,5	10,8	9,9	12,4

Неблагополучие со смертностью, которое в советское время утаивалось, сейчас достаточно хорошо осознано общественным мнением. И в России, и за рубежом ведутся интенсивные исследования причин высокой российской смертности, социальных и экономических факторов, от которых она зависит, и т. п. Однако когда речь идет о провале таких масштабов, дело не может сводиться к действию отдельных, даже очень важных факторов. Нужны какие-то системные объяснения, которые требуют критического анализа главных целей общества, его приоритетов, в конечном счете — их серьезного пересмотра.

Пока это не сделано и положение продолжает ухудшаться. Сейчас многие склонны искать корни сегодняшнего неблагополучия со смертностью в событиях, происходивших в России в 1990-х гг., однако в действительности нынешняя позорно низкая продолжительность жизни российских мужчин — 58,5 года в 2002 г. — находится на линии тренда, который сложился в 1963–1983 гг. и который пока не удалось изменить (рис. 7.1).

Вызов низкой рождаемости. Занимая очень важное место в ряду демографических вызовов, перед лицом которых находится Россия, вызов высокой смертности все же сильно отличается от всех других тем, что не является собственно вызовом модернизации. Он скорее — следствие действия факторов, препятствующих ее завершению. Другие же вызовы как правило порождены именно глубокими модернизационными изменениями, они укоренены не в прошлом, а в настоящем и будущем и поэтому, в известном смысле, более опасны. Один из них — вызов низкой рождаемости.

В России в 2000 г. рождаемость была минимальной за всю ее историю — 1,21 рождения на одну женщину. В условиях российской смертности это обеспечивало замещение поколений всего на 57%. В последнее время рождаемость обнаружила тенденцию к небольшому повышению, в 2002 г. коэффициент суммарной рождаемости повысился до 1,32. Но обольщаться в отношении ее будущего не следует. Колебания уровня рож-

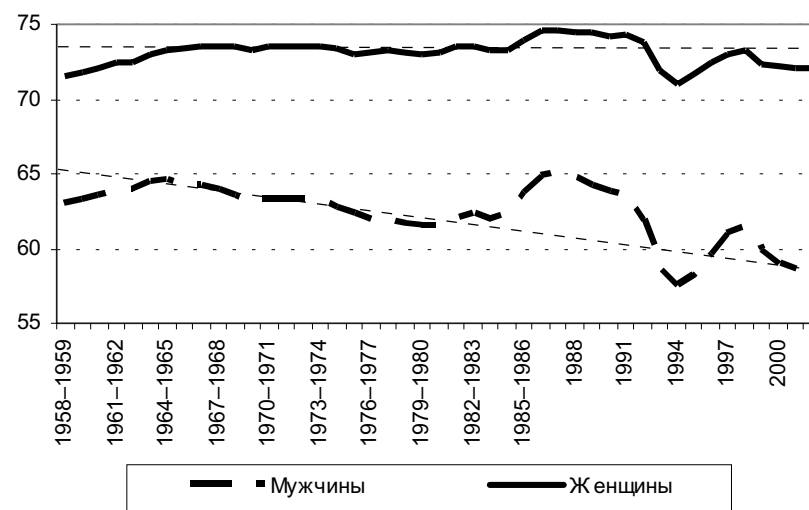

Рис. 7.1. Фактические изменения ожидаемой продолжительности жизни в России за 1958–2002 гг. и линии тренда 1963–1983 гг.

даемости под влиянием конъюнктурных факторов — демографических и недемографических — возможны. Но рассчитывать на ее повышение до уровня хотя бы простого замещения поколений (примерно 2,2 рождения на женщину), ниже которого она находится у нас с середины 1960-х гг., оснований нет.

Рождаемость в России быстро падала начиная с конца 1920-х гг. и опустилась до очень низкого уровня — ниже уровня простого замещения поколений — еще в 1964 г., раньше, чем в большинстве развитых стран (рис. 7.2). Однако они не заставили себя долго ждать, сейчас для подавляющего большинства урбанизированных и индустриально развитых стран мира характерна низкая, а в последнее время — очень низкая рождаемость. На рубеже веков во всех развитых странах, кроме США и Новой Зеландии, рождалось менее двух детей на одну женщину, многие из них находились в одном ряду с Россией. Рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений и в ряде менее развитых стран, в частности в Китае. Сейчас высокая и очень высокая рождаемость остается уделом слабо урбанизированных развивающихся стран Азии, Латинской Америки и Африки (рис. 7.3), хотя постепенно она снижается и там.

Уже сам факт повсеместной распространенности низкой рождаемости в индустриальных урбанизированных обществах не позволяет говорить о

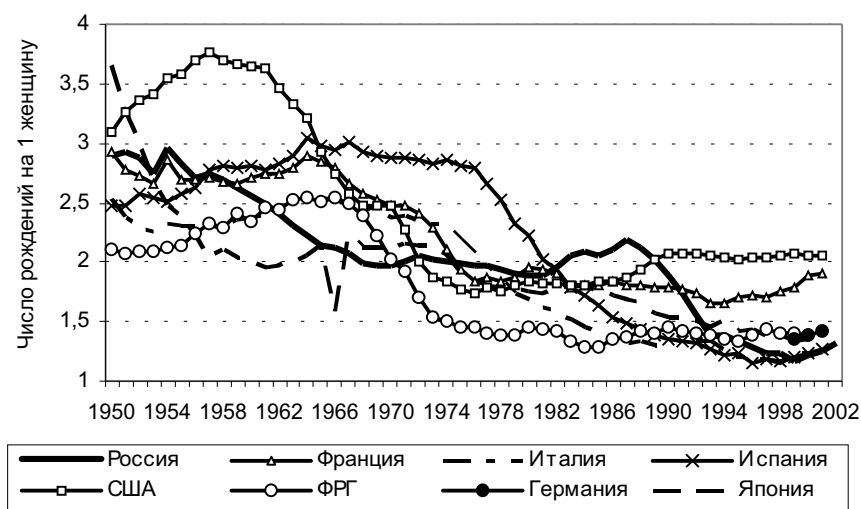

Рис. 7.2. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах, 1950–2002 гг.

специфически российском кризисе. Скорее речь может идти об общем кризисе всей современной постиндустриальной западной цивилизации, причины которого нельзя устранить в одной стране.

Но кризис ли это? Не правильнее ли, приняв во внимание все аспекты изменений в массовом прокреативном поведении и их последствий, говорить не о катастрофичности низкой рождаемости, а о создаваемых ею возможностях внутренней перестройки всего «общественного тела», позволяющей перенести акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни? Привлекательность низкой рождаемости для большинства населения оказывается глубоко укорененной в образе жизни и системе ценностей современных городских обществ.

Не исключено, впрочем, что и такой взгляд на современную динамику рождаемости не учитывает всех ее реальных детерминант. Ведь если глобализация, о которой столь много говорится сегодня, — не пустой звук, то и такую, теперь уже фактически всемирную тенденцию, как снижение рождаемости, следует рассматривать не в рамках отдельных стран, как это обычно делается, а в более широком, глобальном контексте. В ней естественно видеть системную реакцию на **общемировой** демографический кризис, порожденный глобальным демографическим взрывом и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты.

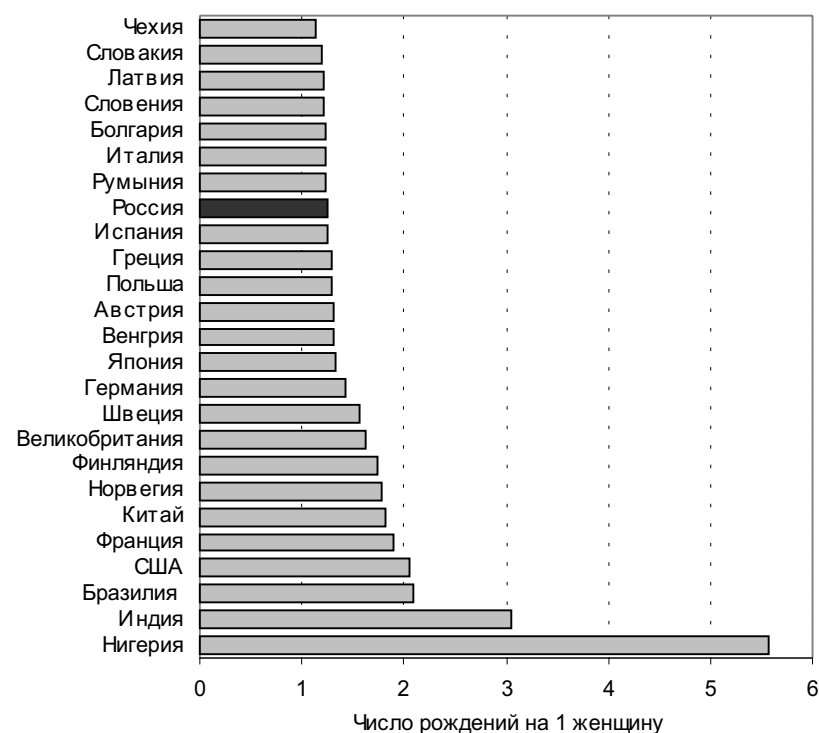

Рис. 7.3. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах мира в 2001 г.

Сегодня главная демографическая проблема человечества в целом — не недостаток людей, а их избыток. Поэтому с точки зрения общепланетарных интересов снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства — не зло, а благо. Лишь оно способно привести не только к прекращению мирового демографического взрыва, но и к последующему постепенному, без катастроф, сокращению мирового населения до размеров, более соответствующих предельным возможностям жизнеобеспечения, которыми располагает Земля. Соответственно, снижение рождаемости в России, как и на Западе, можно рассматривать лишь как эпизод начинающегося глобального поворота от роста к сокращению численности мирового населения. Тогда в низкой западной рождаемости следует видеть не свидетельство упадка и кризиса западной цивилизации, как кажется многим, а напротив, доказательство ее адаптивных

способностей. Открыв возможности небывалого снижения смертности во всемирных масштабах, она прокладывает теперь путь низкой рождаемости, без которой достижение низкой смертности превращается в огромную угрозу для человечества.

Все это не исключает того, что низкая рождаемость и следующее за ней замедление или прекращение роста, а то и убыль населения развитых стран на фоне стремительного роста населения развивающегося мира могут быть крайне невыгодны, даже опасны для них. Да и для всего мира движение на двух разных скоростях представляет немалую угрозу. Всестороннее осмысление этой угрозы, выработка превентивных стратегий и политик выходят за пределы задач нашего доклада. Тем не менее, оценивая демографическую составляющую глобального развития, можно с уверенностью сказать, что в условиях, когда главной заботой этого развития стало замедление роста мирового населения, думать, что реальным адекватным ответом на новую ситуацию в мире может стать повышение рождаемости и возврат к простому, а то и расширенному воспроизводству населения в развитых странах, в том числе и в России, было бы просто наивно. Гораздо более вероятно, что рождаемость в России останется низкой, а воспроизводство населения — суженным на долгое время, а это означает по меньшей мере еще два серьезных вызова, которые придется принять России, — вызовы демографического старения и депопуляции.

Вызов демографического старения. Доля пожилых (60 лет и старше) людей в России выросла с 6,7% в 1939 г. до 11,9% в 1970, до 18,5% в 2002 г. и продолжает расти. Уже сейчас во многих странах доля пожилых превышает 20%, в Европейском Союзе в целом она составляет 21,5%, в Японии — 23,7%¹. Такое же будущее ожидает и Россию.

Экономические и социальные последствия демографического старения уже не одно десятилетие обсуждаются в демографической литературе. При этом на первый план обычно выступают явные или предполагаемые негативные последствия и порождаемые ими проблемы. Особую обеспокоенность вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста числа и доли пенсионеров, хотя иногда называют и другие последствия (старение самого трудоспособного населения, замедление обновления знаний и идей, ослабление напора поколений, геронтократия и пр.). Отрицательный вклад старения населения, «одряхления» наций в социальную динамику кажется очевидным и представляется фактором, обесценивающим многие выигрыши от демографической мо-

¹ Statistiques sociales européennes. Démographie: Eurostat, 2002. P. 43.

дернизации. Не исключено, однако, что такая оценка излишне односторонняя, вызванная «шоком новизны», который сопровождает любые перемены и затрудняет понимание их позитивного смысла.

Попробуем разобраться в том, что на самом деле стоит за демографическим старением.

Возрастная пирамида необратимо изменяется потому, что в результате снижения смертности коренным образом меняется структура времени жизни поколений: увеличивается время, проживаемое каждой когортой в средних и старших возрастах, а соответственно и его доля во всем совокупном времени жизни каждого поколения.

Что, казалось бы, неожиданного или нежелательного в том, что увеличение продолжительности жизни требует перераспределения совокупной массы потребляемых поколением ресурсов в пользу все более поздних периодов жизни, которые прежде были уделом немногих избранных, а теперь стали достоянием большинства? Разумно ли, что, достигнув столь выдающегося результата, научившись продлевать жизнь большинства пришедших в этот мир людей до глубокой старости, общество начинает выражать беспокойство по поводу того, что эти люди до самой смерти должны что-то есть, вообще потреблять в более широком смысле?

Сейчас широко распространено мнение о пагубном влиянии старения на положение пенсионеров и на общее экономическое положение страны. Кажется очевидным, что раз доля пенсионеров в населении увеличивается, то увеличивается и нагрузка на трудоспособное население.

Не следует, однако, забывать, что на иждивении людей в трудоспособном возрасте находятся не только старики, но и дети. А так как доля пожилых растет одновременно с сокращением доли детей, то **совокупная** нагрузка на трудоспособное население изменяется совсем не так, как нагрузка одними пожилыми иждивенцами.

В таблице 7.3 показано распределение времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет) в теоретическом, модельном населении. В таком населении с увеличением продолжительности жизни увеличивается и число доживающих до более поздних возрастов, а значит, и доля времени, проживаемого людьми из этого поколения в средних, а затем и в старших возрастах. Но соотношение времени, прожитого каждым средним представителем поколения, с одной стороны, в рабочем, а с другой — в нерабочем (до и после пребывания в возрасте трудоспособности) возрастах почти не меняется. При этом следует заметить, что дети-иждивенцы потребляют до того, как они начали производить, так сказать авансом. Пожилые же люди переходят

Таблица 7.3. Распределение времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет), %

Возраст	При средней продолжительности жизни		
	e(0) = 30	e(0) = 50	e(0) = 75
Моложе трудоспособного (0–20)	40,1%	32,6%	26,2%
Трудоспособный (20–65)	55,0%	57,7%	56,8%
Старше трудоспособного (65 и старше)	4,9%	9,7%	16,9%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%
В том числе в возрасте иждивения	45,0%	42,3%	43,2%

на положение иждивенцев после того, как их рабочая жизнь закончилась, так что их потребление заранее оплачено их собственным трудом.

Разумеется, реальная жизнь отличается от идеальной модели. В послевоенные десятилетия в России совокупная нагрузка детьми и пожилыми менялась волнообразно, что было связано с особенностями российской возрастной пирамиды, формировавшейся под влиянием не только эволюционных процессов, но и пертурбационных потрясений первой половины XX в. Их влияние не изжито еще и сейчас.

Волнообразные колебания накладывались на генеральную тенденцию постарения и временами вносили очень серьезные коррективы в процессы эволюции возрастной пирамиды. Но именно в результате такого наложения, вопреки тому, что часто думают, Россия с точки зрения возрастного состава ее населения к концу XX в. оказалась в условиях, относительно благоприятных, едва ли не лучших за весь послевоенный период, что хорошо видно на рисунке 6.15, приведенном в предыдущем разделе доклада.

Нагрузка пожилыми иждивенцами, несмотря на некоторые колебания, продолжает расти и согласно всем прогнозам будет увеличиваться и впредь (рис. 6.14). Однако **совокупная** нагрузка иждивенцами младшей и старшей возрастных групп сокращалась и к концу столетия была необычно низкой. Да и ближайшие перспективы в этом смысле достаточно благоприятны — снижение доли детей в населении, запрограммированное ростом рождаемости в 1980-х и ее падением в 1990-х гг., будет тормозить рост общей нагрузки.

Даже в 2035 г. эта нагрузка в расчете на 1000 трудоспособных будет не выше, а по большинству сценариев даже ниже, чем в 1975 г., когда она отнюдь не была чрезвычайно высокой. В первой половине 1960-х гг. коэффициент совокупной нагрузки в России превышал 800 человек на 1000 трудоспособных. Таким высоким этот показатель будет не ранее 2035 г., и то лишь по некоторым из рассматриваемых сценариев. К подобному раз-

витию событий надо, конечно, готовиться, но едва ли следует его излишне драматизировать. Если Россия смогла справиться с такой нагрузкой в 1965 г., то почему она может оказаться столь опасной 70 лет спустя?

Только после 2035 г. общая демографическая нагрузка начнет превышать 800 на 1000 трудоспособных, постепенно нарастая к середине века, а затем стабилизируется. Совершенно избежать этого роста невозможно, но сопоставление экстраполяционного и стабилизационного прогнозов показывает, что уровень, на котором произойдет стабилизация совокупной демографической нагрузки, может быть разным и зависит от общей стратегии демографического развития страны.

Таким образом, хотя нынешний рост «пенсии нагрузки» бесспорен, это еще не основание для того, чтобы драматизировать «проблему старения» как *демографическую* проблему, это вызов, который требует адекватного экономического и социального ответа. Развитие пенсионных систем в XX в. и стало таким ответом на новые демографические реальности, однако не исключено, что принципиально новое место пенсионного обеспечения в структуре механизмов внутр поколенного и межпоколенного перераспределения ресурсов еще не до конца осознано обществом.

Скорее всего, истинные последствия старения населения, в том числе и экономические, не столь угрожающи, как это представляет иногда современная демографическая мифология. Увеличение доли пожилых людей идет в ногу с другими демографическими и прочими изменениями, которые создают объективные возможности для нейтрализации отрицательных последствий старения. Надо только суметь ими воспользоваться. Как отмечал известный американский демограф и экономист Р. Истерлин, «реальная задача... относится в основном к области политики. Необходимо с помощью налогообложения изъять семейные сбережения, предназначенные на содержание молодых иждивенцев, с тем чтобы эти капиталы могли быть использованы на покрытие растущих общественных затрат на содержание пожилых иждивенцев. Проблема политической приемлемости такой меры достаточно серьезна, но она не кажется неразрешимой, учитывая, что платящие налог работники сами же являются и потенциальными получателями из создаваемых за счет этого налога фондов»².

Для того чтобы перераспределение ресурсов в пользу позднего периода жизни поколений стала политически приемлемой, нужны социальная

² Easterlin R. The Birth Dearth, Aging, and the Economy // Human Capital and Economic Development. Kalamazoo, Michigan: W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1994. P. 22.

философия и политическая экономия, отвечающие новым демографическим реальностям. Пока их нигде нет, и, скорее всего, они сформируются и получат признание лишь тогда, когда подойдет к концу переходный период, на протяжении которого возрастной состав населения непрерывно меняется, и окончательно установится новая стабильная возрастная пирамида с узким основанием и широкой вершиной. А до тех пор будет казаться — без достаточных к тому оснований, — что с каждым десятилетием увеличение доли пожилых людей делает все более затруднительным и их собственное положение, и положение национальных экономик в целом.

Вызов демографического старения затрагивает, разумеется, не только экономическую сферу, на него придется отвечать всем жизненно важным подсистемам российского общества, он потребует существенной реорганизации и образования, и здравоохранения, и обороны, и многого другого. К этому тоже надо быть готовыми. Уже сейчас достаточно явно проявляется конкуренция за сокращающийся контингент молодежи между рекрутирующими ее ведомствами, она несомненно будет нарастать. В частности, серьезное беспокойство вызывает приближающееся резкое снижение численности призывного контингента. Оно может привести, например, к отмене всех видов освобождений и отсрочек, связанных с получением образования и заполнением даже наиболее важных вакансий в сфере гражданской деятельности, что способно подорвать научный и экономический потенциал страны, но все равно не решит проблемы защиты ее границ. В качестве ответа на этот вызов рассматривается переход к профессиональной армии на контрактной основе, однако пока трудно сказать, насколько такой ответ окажется реальным и эффективным. И это — лишь один из примеров тех очень серьезных следствий, которые вытекают из вызова демографического старения.

Вызов депопуляции. Россия была одной из первых стран в мире, в которых установилось соотношение рождаемости и смертности, делающее невозможным простое возобновление поколений. Нетто-коэффициент воспроизводства населения страны опустился ниже единицы в 1964 г. и с тех пор остается ниже этого критического уровня (за исключением короткого периода 1986–1988 гг.) — см. рисунок 7.4.

При таких показателях появление отрицательного естественного прироста населения неизбежно, положительный естественный прирост может сохраняться по инерции — лишь до тех пор, пока не исчерпается потенциал демографического роста, накопленный в возрастной структуре населения за счет более высокой рождаемости в прошлом. Момент истины — переход от естественного прироста к естественной убыли населения — наступил в 1992 г. А так как естественный прирост населения был основ-

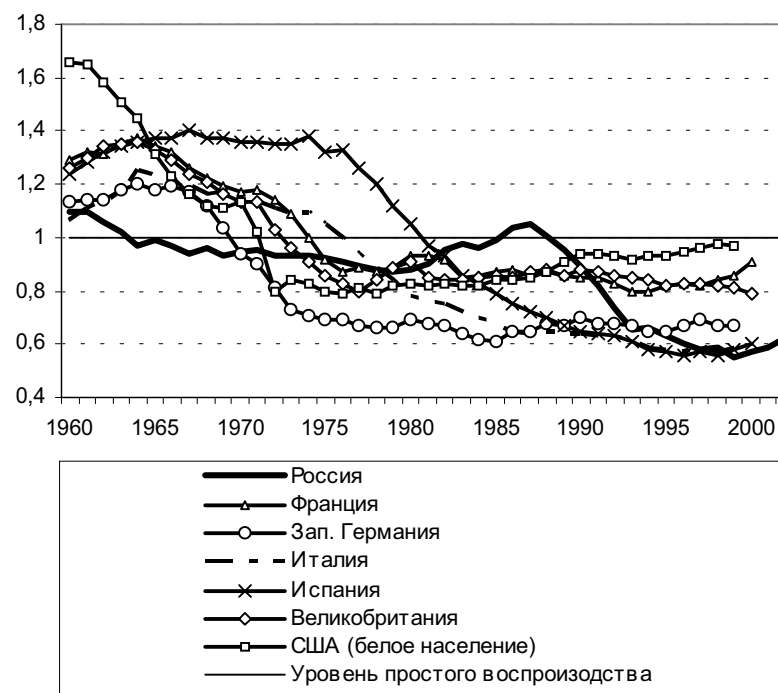

Рис. 7.4. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в некоторых странах, 1960–2002 гг.

ным источником его общего роста, то сразу же началось и сокращение населения России. Это сокращение обусловлено устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении россиян. Поэтому рассчитывать на то, что оно окажется преходящим и в недалеком будущем восстановится положительный естественный прирост населения, а вместе с тем и рост числа жителей страны, не приходится. Убыль населения России, скорее всего, примет затяжной характер. На этом сходятся все авторы демографических прогнозов для России.

В частности, по среднему варианту самого последнего прогноза ООН, к 2050 г. численность населения России сократится по сравнению с 2000 г. примерно на 30% и составит 101,5 млн человек. Примерно к таким же результатам приходят и российские прогнозисты, в том числе и авторы долгосрочного прогноза, представленного в настоящем докладе (см. экстраполяционную версию прогноза в табл. 6.4).

Таблица 7.4. Ранговое место России в мире по численности населения: фактическое в 1950 и 2000 гг. и по среднему варианту прогноза ООН пересмотра 2002 г. в 2050 г.

1950			2000			2050		
Ранг	Страна	Население, млн	Ранг	Страна	Население, млн	Ранг	Страна	Население, млн
1	Китай	554,7	1	Китай	1275,2	1	Индия	1531,4
2	Индия	357,6	2	Индия	1016,9	2	Китай	1395,2
3	СССР	178,5	3	США	285	3	США	408,7
4	США	157,8	4	Индонезия	211,6	4	Пакистан	348,7
	Россия	102,7	5	Бразилия	171,8	5	Индонезия	293,8
			6	Россия	145,6	6	Нигерия	258,5
						7	Бангладеш	254,6
						8	Бразилия	233,1
						9	Эфиопия	171
						10	Конго	151,6
						11	Мексика	140,2
						12	Египет	127,4
						13	Филиппины	127
						14	Вьетнам	117,7
						15	Япония	109,2
						16	Иран	105,5
						17	Уганда	103,2
						18	Россия	101,5
Доля России в мировом населении								
4,1%			2,4%			1,1%		

В предыдущем докладе³ была приведена таблица, характеризующая изменение рангового места России по численности населения среди других стран мира согласно прогнозу ООН пересмотра 2000 г. За истекший год изменилось и фактическое положение России — она отодвинулась с 7-го на 8-е место (см. раздел 1.1), и — после очередного пересмотра прогноза ООН в 2002 г. — ее место в иерархии стран в середине XXI в., в которой она опустилась с 17-го на 18-е место (табл. 7.4).

При этом Россия занимает почти 13% мировой суши — самую большую в мире, богатую природными ресурсами, но крайне слабо заселенную территорию. Она соседствует с густонаселенными государствами, и некоторые из них время от времени заявляют о притязаниях на российские земли.

³ Население России 2001. С. 195.

Но дело, конечно, не только в сравнении России с другими странами — сокращение численности россиян неблагоприятно и по многим внутренним соображениям, оно усиливает и без того значительное несоответствие между населением России и размерами ее территории, протяженностью границ, огромностью пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и т. п.

Таким образом, ни по внутренним, экономическим, ни по внешним, геополитическим, соображениям убыль населения не отвечает интересам России. Чем можно ответить на этот вызов?

Теоретически существует только два возможных ответа: восстановление устойчивого положительного естественного прироста населения или приток населения извне, крупномасштабная иммиграция. Первый ответ предполагает резкое и очень значительное повышение рождаемости, практически удвоение ее нынешнего уровня, что, как отмечалось выше, мало реально. Остается иммиграция. Сейчас только она способна хотя бы частично противодействовать сокращению численности и старению населения России, да и всех остальных «постпереходных», промышленных и урбанизированных стран. Но этот ответ на вызов времени несет с собой новые риски и опасности.

Вызов иммиграции. Представленный в разделе 6 настоящего доклада стабилизационный вариант долгосрочного прогноза динамики населения России говорит о том, что для стабилизации численности населения России на уровне начала XXI в. — 144 млн человек — необходимо уже сейчас обеспечить очень высокий уровень нетто-миграции в Россию и наращивать его примерно до середины века (табл. 6.3). При этом, как показывает прогноз, в населении будет быстро увеличиваться доля мигрантов и их потомков, а значит, будет заметно меняться состав населения, в том числе и этнический, что само по себе чревато серьезными последствиями.

Существуют пределы миграционной емкости любой страны, связанные с ограниченными возможностями социальной адаптации в странах приема иммигрантов, являющихся носителями других культурных традиций, стереотипов и т. д. До тех пор, пока количество таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней, и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются и возникает межкультурное напряжение, усиливающееся объективно существующим экономическим и социальным неравенством местного и пришлого населения.

Как показывает опыт многих промышленных стран, использующих иностранную рабочую силу, все это осознается не сразу. Они лишь постепенно начинают ощущать границы своей иммиграционной емкости, в них возникает конкуренция «своих» и «чужих» за рабочие места, разворачиваются дебаты вокруг проблемы иммиграции, которая становится важной картой в политической игре. В обществе нарастают антииммиграционные настроения и формируется соответствующая мифология, нередко увлекающая даже интеллектуальную элиту.

Сказанное в полной мере относится и к России: как и другие пережившие демографический переход страны, она тоже нуждается в мигрантах, тоже испытывает миграционный напор извне и тоже не может не ощущать объективных границ своей миграционной емкости. Как и везде, они связаны с положением на рынке труда, и в особенности с «пропускной способностью» адаптационных и ассимиляционных механизмов и скоростью адаптации, социальной и культурной интеграции иммигрантов.

Но у России есть и особенности, отнюдь не облегчающие ее положения. К их числу относятся огромные слабозаселенные территории, богатые ресурсами, в том числе такими важными для наступившего века, как пригодные для сельского хозяйства земли, пресная вода, энергоносители. Это усиливает одновременно и потребность России в людях, и ее миграционную привлекательность в условиях нарастающего демографического давления со стороны перенаселенного «юга» планеты. Не слишком радужны миграционные перспективы России, если рассматривать их с точки зрения ее геополитического положения. В частности, массовый приток китайцев на российский Дальний Восток, если бы он имел место, не только не вел бы к глубинной культурной ассимиляции (ввиду непосредственной близости мощного собственного культурного материка), но и мог бы рано или поздно привести к активизации существующих территориальных притязаний Китая.

Именно в иммиграционном вызове фокусируются все остальные демографические вызовы, перед которыми стоит Россия и которые подталкивают ее к расширению иммиграции. Ибо встать на противоположный путь — как можно большего сокращения иммиграции, к которому склоняется часть российского общества, — значит смириться с непрерывным сокращением населения, его старением, потерей места в мировой демографической иерархии, непрерывным ухудшением и без того не лучшего соотношения населения и территории и т. д.

Поиски ответа на иммиграционный вызов XXI в. в ближайшие десятилетия могут стать одной из главнейших задач внутренней и даже внешней политики России.

ПРИЛОЖЕНИЯ